

27 июля (9 августа)

Священномученик
Платон Горных

Священномученик Платон родился в 1860 году в семье священника Горгония Горных; отец умер, когда Платону было пять лет. В 1881 году он окончил Пермскую духовную семинарию и был рукоположен во священника к Симеоновской церкви села Медведевского Верхотурского уезда Пермской губернии¹. В 1885 году он был переведен в Николаевский храм в селе Осинцевском Ирбитского уезда, а в 1892 году – в Иоанно-Предтеченскую церковь в селе Тиминском² Екатеринбургского уезда. В 1894 году отец Платон был назначен в Покровский храм в селе Покровском Ирбитского уезда. Служа в Покровском храме, он состоял членом Режевского комитета Православного миссионерского общества.

После прихода к власти в России большевиков началась Гражданская война. В Ирбитском уезде были созданы отряды красногвардейцев, большей частью игравшие роль карателей, один из таких отрядов в селе Егоршинском возглавил слесарь железнодорожного депо А.О. Павловский. В своих воспоминаниях, написанных в 1930-е годы, когда он был помощником командира бригады по политчасти, он с упоением вспоминал, как ликвидировал «врагов», отдавая приказы поставить их «к семафору»; так он называл расстрелы, производившиеся у полотна железной дороги. «Это были два слова, – писал он, – которые прекращали жизнь контрреволюционера и освобождали рабочий класс от лишней пакости, мешающей рабочему классу творить великое дело». Однажды от одного из жителей села Покровского поступил донос, что отец Платон до революции был председателем местного отделения Союза русского народа, а его сын воюет на стороне атамана Оренбургского казачьего войска полковника А.И. Дутова. Было также сообщено, что у священника часто проходят дома совещания, что он ведет на улице агитацию и неуважительно отзывается о большевиках, говорит, что они грязны и невежественны. Прочитав донос, Павловский пришел в ярость и, взяв с собой нескольких красногвардейцев, отправился на дрезине в Покровское.

Выехали красногвардейцы в Покровское еще до восхода солнца и подошли к дому священника в тот момент, когда его супруга готовила завтрак. Увидев их, она сначала смутилась, но затем, взяв себя в руки, пригласила к столу непрошенных и опасных гостей. Те приняли приглашение, плотно и с удовольствием позавтракали и затем объявили, что они пришли в дом священника с обыском. По окончании обыска они вывели священника на улицу и здесь увидели, что у дома собралось несколько сотен женщин и стариков, полных решимости не отдавать отца Платона на расправу и уже двинувшихся навстречу красногвардейцам. Павловский выхватил шашку и пошел на людей, крича, что зарубит всякого, кто бросится отнимать священника. Толпа на минуту замерла, но не остановилась. Видя, что люди приближаются, Павловский взял в руки бомбу и крикнул: «Стоп, а иначе буду бросать бомбу!» Но и это не остановило людей, и Павловский скомандовал стрелять. Красногвардейцы дали залп поверх голов и тем остановили толпу. Усадив священника на дрезину, они поехали на станцию Егоршино, где находился в то время красногвардейский штаб. «Злоба меня

душила <...>, – вспоминал Павловский. – Дрезинщики были мадьяры военнопленные. Я хотел сначала покончить с попом, спустившись под первую гору от Покровского, но передумал <...>, остановил дрезину, скомандовал попу крутить дрезину <...>. Поп ответил, что он больной. Я тогда вынул наган, дал сроку три минуты, и сам был доволен, что тот откажется, так как не надо будет возиться с ним дальше, направил револьвер на него, скомандовал: „раз... два“. Но поп, не ожидая „три“, сказал: „Хорошо, буду крутить дрезину“».

Весь этот день священника продержали под арестом в штабе, намереваясь вечером расстрелять. Однако вскоре красногвардейцы сообщили Павловскому, что в депо между рабочими возникло обсуждение, касающееся арестованного священника, и многие выступают против его казни. Обсуждение проходило столь бурно, что был вызван комиссар Сибирско-Уральского фронта; из боязни перед народом он порекомендовал отпустить священника под расписку, оставив расправу с ним до более удобного случая. «Ни в коем случае из виду не упускать, посоветовал комиссар, – и в нужный момент вывести в расход». И священник был освобожден.

«В Ирбитском уезде советская власть... появилась только лишь в первых числах февраля месяца и просуществовала семь месяцев, – писал в 1918 году священник из соседнего села Сарафанова Флорентий Троицкий. – Но и в это короткое время большевики сделали всем, особенно нам, пастырям Церкви, столько зла, чего не сделали и татары в период своего двухсотлетнего владычества.

С первых же дней Советы, как волостные, так и сельские, стали во враждебные отношения к служителям храма и алтаря, арестовывая без всяких причин не только священников, а и просфорниц. <...>

Около 10 июля [1918 года] началось наступление чехов... на село Егоршино.

23 числа около четырех часов дня неожиданно приехали ко мне двенадцать красноармейцев-латышей, выдали себя за белоармейцев и арестовали меня вместе с сыном-семинаристом и отцом Платоном, обвинив нас в сочувствии белым, повезли в штаб на станцию Егоршино, чтобы расстрелять там.

Готовясь к смерти, дорогой мы с отцом Платоном исповедались друг у друга, и стало как-то легче на душе. Не довезя шести верст до станции, арестовавшие нас „товарищи“ почему-то отпустили нас назад, взяв клятву, что мы никогда не пойдем против советской власти. <...>

26 числа около шести часов утра опять нагрянули ко мне с визитом два „товарища“ с криком и бранью: „Где поп?“ Узнав по шуму, какие ко мне пожаловали гости, мы с отцом Платоном скрылись, убежали в лес, где и пробыли до ночи. Долго искали нас красные „товарищи“ и по домам у мужиков, и в храме; наконец уехали, сказав, что все равно рано ли, поздно ли, а все-таки они найдут нас.

Объявленную мобилизацию... народ принял неохотно; подлежащие призыву разбежались по лесам.

27 числа в два часа утра в село наше по доносу одного из крестьян неожиданно приехал карательный отряд с пулеметами, оцепив все село, и прежде всего арестовали меня с сыном и отца Платона. <...>

Собрав народ, каратели стали выбирать первого, десятого, двадцатого и т.д. и рядом вместе с нами у стенки ставили под направленный на нас пулемет, угрожая расстрелом, если мы не скажем, куда ушли мобилизованные. И эта пытка продолжалась несколько часов. После полудня был вынесен приговор: меня

отправить на суд в Егоршинский штаб, а отца Платона и двух моих прихожан расстрелять на страх другим.

Незаконный приговор был приведен в исполнение около двух часов дня в небольшом леску в версте от храма. Отец Платон убит двумя пулями. Одна – в сердце, а другая – в правое легкое. Смерть была моментальная. Встретил ее отец Платон мужественно, со сложенными крестом на груди руками и поднятыми глазами к небу <...>.

29 июля. Сегодня утром похоронили на приходском кладбище, но без отпетия и гробов расстрелянных отца Платона и двух моих прихожан <...>.

4 сентября, на сороковой день расстрела в нашем селе отца Платона Горных и двух моих прихожан, тихонько ночью отпел их на кладбище.

Вечная память... мученикам!»

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.2»

Тверь. 2016. С. 141–145

Примечания

¹ Ныне село Медведево городского округа Нижняя Салда.

² Ныне село Тимино Каслинского района Челябинской области.